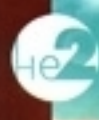

Ничто никогда не случилось

Жизнь и учение
Пападжи (Пунджи)

Книга вторая

**Ничто никогда не случилось.
Жизнь и учение Пападжи
(Пунджи). Книга 2**

«ИД Ганга»

2007

Ничто никогда не случилось. Жизнь и учение Пападжи (Пунджа).
Книга 2 / «ИД Ганга», 2007

Пападжи (Х. В. Л. Пунджа) – современный просветленный учитель адвайты, ученик Раманы Махарши. Это вторая книга трехтомного жизнеописания Пападжи, жизнь которого была наполнена удивительными и даже чудесными событиями, главным из которых стала реализация его истинной природы. В этом томе приводится описание путешествий Пападжи в Гималаи, его поездок за границу и сатсангов в Индии.

, 2007

© ИД Ганга, 2007

Содержание

Харидвар, Ришикеш	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ничто никогда не случилось

Жизнь и учение Пападжи (Пунджи)

Том 2

составитель Дэвид Годмен

Харидвар, Ришикеш

Выйдя на пенсию в 1966 году, Пападжи много путешествовал, объехал всю Индию, редко останавливаясь на одном месте дольше, чем на несколько недель. Однако когда в январе 1967 г. он справил свадьбы своих детей, ему захотелось проводить все больше и больше времени в Ришикеше и Харидваре – центрах паломничества, расположенных в северной части Уттар Прадеша, там, где Ганга покидает предгорье Гималаев и течет по равнинам. Города находятся недалеко друг от друга – Ришикеш стоит на двадцать четыре километра выше по течению, чем Харидвар.

Большую часть своей жизни я приезжаю в Ришикеш и Харидвар и живу там. Когда я был ребенком, мои родители перевезли всю семью в Харидвар на летние каникулы. И большую часть своей жизни я организовывал свое время таким образом, чтобы было возможно проводить там один или два месяца в году. Когда у меня не было каких-то других дел, я оставался там еще дольше. Иногда я жил там годами.

Это святые места. Люди медитируют в Ришикеше и Харидваре на берегах Ганги тысячи лет, и многие там достигли просветления. Это те места, в которые я всегда люблю возвращаться после долгих, обстоятельных поездок-встреч с последователями.

После того как я справил свадьбы моих сына и дочери в Агре и Дели, я решил навсегда покинуть свою семью и родственников. Было ясно, что мои обязанности были выполнены. У меня не было желания продолжать играть роль главы семейства.

Я решил поехать в Ришикеш, чтобы прожить жизнь как *садху*. Мне хотелось жить на берегу Ганги в одиночестве. Я поселился в пещере, расположенной недалеко от основных ашрамов Ришикеша. Так как она была рядом с рекой, вода иногда поднималась, затапливая пещеру. Меня это не беспокоило. Когда в пещере становилось слишком мокро, я перемещался к баньяновому дереву, которое росло рядом на хорошей, удобной поляне. Дерево и пещера располагались недалеко от ашрама Махариши Махеш Йоги, основавшего движение ТМ (Трансцендентальной Медитации). В те дни это был его главный ашрам.

Пападжи исследовал несколько других пещер поблизости. В одной из них, недалеко, в пятнадцати минутах ходьбы от Ганги, он спасался от непогоды и в примитивных условиях существования вынужден был встречаться с дикими животными у водопада.

Некоторое время я жил в красивой пещере в лесу. Примерно на полдороге к Пхул Гхатти, на старой дороге паломников к Бадримасу есть река, впадающая в Гангу. Приблизительно в километре вверх по ее течению был красивый водопад; к нему примыкала пещера, в которой я некоторое время жил.

В те дни в этих местах все еще бродило много тигров. Ближайшая речка была единственным безопасным источником воды для лесных животных, поэтому они все обычно сюда и приходили. В окрестностях также жили медведи и слоны, которые тоже время от времени прихо-

дили на водопой. Я мог наблюдать за ними, не беспокоя их. Мы жили вместе очень мирно. Слоны, бывало, приходили, чтобы искупаться под водопадом, потому что им нравилось, как вода бьет их по спинам. Они набирали много воды своими хоботами, а затем поливали себя. Иногда выбрасывая воду, они трясли ими. Когда это происходило, я тоже принимал душ, сидя в пещере.

Только раз у меня была случайная близкая встреча с тигром. Я был внизу у водоема, когда туда пришел тигр, чтобы утолить свою жажду. Перед тем как приняться пить, тигр с явным любопытством взглянул на меня. У меня было чувство, что он только что хорошо поел, поэтому был больше заинтересован в том, чтобы напиться, чем съесть меня.

Примерно в это время у Пападжи было интересное переживание, в котором все его прошлые жизни предстали перед ним. Вот описание этого случая, которое он сделал в книге «Интервью с Пападжи»:

Я тихо сидел на берегу Ганги в Ришикеше между Рам Джхулой и Лакшман Джхулой, наблюдая за плывущими в воде рыбами. Пока я сидел там, ко мне пришло необычное видение. Я видел себя, то «я», которое было «Пунджей», проходящим через долгий ряд реинкарнаций. Я наблюдал, как *джива* (перевплощающаяся душа) переходит от тела к телу, от формы к форме. В разное время и в разных местах мне довелось быть растениями, животными, птицами, людьми. Цепочка была необыкновенно длинной. Передо мной разворачивались картины многих тысяч моих реинкарнаций, и все это длилось миллионы лет. В конце концов появилось мое собственное тело, последнее в этой череде, а потом возникла сияющая форма Махарши. На этом видение закончилось. Появление Махарши положило конец казавшейся нескончаемой череде рождений и перерождений. После его вмешательства в мою жизнь *джива*, которая в конце концов стала Пунджей, освободилась от необходимости рождаться вновь. Махарши уничтожил это одним-единственным взглядом.

Вся череда инкарнаций разворачивалась передо мной в обычном масштабе времени. То есть мне действительно казалось, что прошли миллионы лет. Однако, вернувшись в нормальное состояние сознания, я понял, что все виденное заняло не более мгновения. Человек может увидеть во сне целую жизнь, но, пробудившись, понимает, что время, которое прошло во сне, было нереальным, приснившийся человек был нереальным и мир, в котором он жил во сне, полностью нереальный. Все это мгновенно осознается в момент пробуждения. Аналогичным образом, при пробуждении к «Я» сразу становится очевидной иллюзорность времени, мира, в котором мы живем, и самой этой жизни. В видении на берегу Ганги эта истина предстала передо мной очень ясно. Я знал, что все мои жизни в *сансаре* были нереальны и что Махарши пробудил меня от этого кошмарного сна, показав мне мое Я. Ныне, избавившись от нелепостей *сансары* и говоря с точки зрения Я, единственной реальности, я могу сказать: «Ничто никогда не существовало; ничего никогда не случилось; есть только неизменное бесформенное „Я“».

Это опыт мой и каждого, кто осознал свое «Я».

Несколько лет спустя в Париже мне показали *Нирвана Сутру*. Я прочел и понял, что у Будды был схожий опыт.

В 1993 году я смотрел по телевизору матч по крикету в доме Пападжи. Один из игроков кинулся к мячу, поскользнулся на траве, и у него на рубашке осталось яркое зеленое пятно. Пападжи начал смеяться, внезапно вспомнил о другом своем видении на берегу Ганги, и стал весело о нем рассказывать.

«Когда-то у меня было зеленое тело, прямо как у этого человека. Оно было большим, полупрозрачным и очень красивым. Я жил на другой планете в другой части Вселенной. У меня было такое видение в Ришикеше.

Я знал, что уже долго живу на этой планете. У меня было также чувство, что это такая планета, на которую попадают лживы, чтобы израсходовать до конца свою хорошую карму. Это было место, где, казалось, все были бесконечно счастливы».

Я спросил: «Там кто-то медитировал? Пытался ли кто-нибудь стать просветленным?»

Он ответил, что нет. Помолчав немного, он продолжил более серьезно.

«Я жил на разных планетах и в своих видениях побывал на многих других. Тот мир, в котором мы сейчас живем, единственный, в котором я видел, чтобы люди боролись за свою свободу и добивались ее. Вы не знаете, как вам повезло».

Когда я начал работать над этой книгой, я попросил его рассказать поподробнее. И он повторил для меня свою историю, добавив некоторые детали.

Я жил в Ришикеше, проводя большую часть времени на берегах Ганги. Я почувствовал, что мое тело претерпевает некоторые изменения. Оно стало едва различимым и прозрачным. Вокруг меня было много таких же «людей», с похожими едва различимыми телами. Я взглянул на небо и увидел, что нахожусь в совершенно другой части Вселенной. В небе светило совершенно другое солнце, возможно, что там было несколько солнц, так как ночи не было. Это был странный мир, в котором никто не спал и не просыпался. Мы бодрствовали все время. И хотя видение длилось всего несколько секунд, я знал, что в этом месте я провел очень много времени.

Я понял, что это была другая планета. Я размышлял о том, что во Вселенной должно быть много других планет, на которых есть жизнь, и если человек может переходить из одной жизни в другую, он так же может перемещаться из одного мира в другой.

Хотя я не мог отрицать того, что имело место это видение, позже мне пришла в голову мысль, что, возможно, оно было лишь игрой воображения. Возможно, будучи молодым, я слышал подобную историю, и затем она внезапно всплыла у меня в памяти.

Ришикеш: Ганга, текущая под Рам Джхулой

Когда Пападжи предложили комнату в главном ашраме в Ришикеше, аскетический период его жизни в пещере ненадолго закончился.

Когда я был голоден, я часто покупал *пури* в магазине Гита Бхаван, поскольку четыре месяца в году с июня по сентябрь они продавали паломникам готовую еду по себестоимости.

В один из моих визитов ко мне обратился управляющий Сварг Ашрам Траст, потому что, как он сказал, ему было любопытно узнать, кто мой гуру.

Я ответил ему: «Моего гуру зовут Шри Рамана Махарши. Он из Тируваннамалай из Южной Индии».

Управляющий никогда ранее не слышал этого имени, что было удивительно, потому что Махарши знают во всех ашрамах Индии. Мы с ним немного поговорили, и в ходе разговора выяснилось, что до пенсии он работал инженером в Мадхья Прадеше.

Через несколько минут он повернулся ко мне и сказал:

«Должно быть, он великий учитель. Всякий раз, когда я вас вижу, вы всегда один и держитесь очень спокойно. Когда я наблюдал за вами, мне в голову пришла мысль: Когда я ем манго Дузери из Малихабада, что рядом с Лакнау, я по вкусу могу определить, что этот плод вырос в очень хорошем саду. Я никогда не видел тех садов, но вкуса одного манго достаточно, чтобы сказать, что он вырос в хорошем саду. Точно так же, глядя на поведение человека, я могу судить о его учителе. Я наблюдал за вами. Могу сказать, что у вас, должно быть, очень хороший учитель».

Потом он рассказал про *садху*, о которых заботится в своем ашраме.

«В *кумирах* (маленьких хижинах или комнатах для монахов) у нас живет триста *садху*. Мы их всех кормим бесплатно. Ашрам легко может прокормить всех этих людей. *Садху* стоят в очереди, ожидая своей порции пищи, и пока они ждут, преданные часто приносят им сладости. Зимой они приносят им одеяла, некоторые даже дают каждому *садху* по 100 рупий, на случай если он захочет совершить паломничество. Эти *садху* избалованны. Они не ценят того, что для них делают другие. Некоторые из них даже недовольны подарками и радушием, которое им оказывают. Они берут одеяла, даже если они им не нужны. Потом продают их за полцены, чтобы выручить деньги. Другие забирают домой еду, которую мы им даем, и для улучшения вкуса готовят ее заново на чистом масле. Эти люди не нуждаются в подавании. Многие из них уже разбогатели, получая каждый день подарки от паломников.

Моя работа – стоять на страже интересов всех этих людей. На те небольшие пожертвования, что мы получаем, я должен заботиться о них. Я не приветствую приход новых людей, но в вашем случае буду только рад сделать исключение. Я вижу, что вы другой. Если вам нужна комната, я дам вам постоянную крышу над головой. Вы можете даже питаться в доме, который мне, как управляющему, предоставили».

Я согласился на комнату в угловой части его ашрама. Она была так близко расположена к Ганге, что из своего окна я мог видеть людей, бросающих в воду монеты. Однако, внезапно почувствовав через несколько месяцев, что мне необходимо идти в Вриндаван, я ушел из ашрама. После этого я не сразу вернулся в Ришикеш, а отправился в Шри Раманашрам.

Наступил новый этап жизни. После начального периода крайнего аскетизма и жизни в ашраме Пападжи снова стал путешествовать. С этого момента он начал перемежать долгие периоды жизни в Ришикеше поездками во Вриндаван и к своим последователям, живущим в разных частях Индии. Иногда он совершал длительные поездки в труднодоступные части Гималаев. Одно такое путешествие было особенно памятным:

Однажды я прочитал статью о последствиях великой битвы, которая стала кульминацией в Махабхарате. Это была очень разрушительная война. Когда она закончилась, все Кауравы были мертвы, а страна разорена. Братья Пандавы вышли победителями в той войне, потому что Кришна помог им. Через много лет, после ухода Кришны, Пандавы решили, что они не хотят больше оставаться на земле, хранящей слишком плохую память о них. Пять братьев вместе направились к Гималаям, потому что хотели уйти на небеса. Считалось, что там, в горах, должны быть ворота, соединяющие два мира. Это был опасный путь, и им нужно было подняться на очень большую высоту. Один за другим братья погибали, и только Юдхиштхира, сопровождаемый бродячей собакой, которая в свое время признала его, выжил. В конце путешествия только они двое, Юдхиштхира и собака, достигли небес.

В журнале описывалось это восхождение и приводилась примерная карта передвижения братьев Пандавов. Я был заинтригован мыслью о том, что между землей и небесами могут быть ворота, заинтригован настолько, что решил сам повторить их путешествие, чтобы проверить, правда ли это.

Если я узнаю о каком-то новом методе или технике, я тут же стараюсь их проверить на себе. Это стало моей привычкой с самого детства. Меня не удовлетворяет информация из вторых рук. Я люблю сам все проверять, чтобы убедиться в том, что это заслуживает доверия.

Например, однажды я слышал об одном *садху*, который питался грязью из Ганги и, по-видимому, пребывал в добром здравии.

Я подумал: «Зачем же я хожу и покупаю овощи, и готовлю еду, если грязь – это все, что нужно, чтобы не умереть? Я попробую такую диету и посмотрю, можно ли так прожить».

Итак, целый месяц я питался грязью и опадающими с деревьев листьями. Эксперимент не удался, потому что через несколько недель я серьезно заболел. Я проконсультировался с *садху* по этому поводу и спросил его, стоит ли мне продолжать так питаться.

Он сказал: «Так ты только мучаешь свое тело. Тело человека – храм Бога. Тебе нужно содержать его в хорошем состоянии, ведь если тело больное, ты не сможешь медитировать. Древние риши знали, что необходимо для жизни. Они ели саттвическую пищу и оставались здоровыми».

Я последовал его совету, оставил эту практику и вернулся к нормальной пище. Все это произошло где-то в 1944 году, когда я служил в армии в Мадрасе.

Как бы то ни было, узнав, что возможно дойти до небес в своем физическом теле, я тут же решил пройти этот маршрут, чтобы удостовериться, правда ли это.

Вначале было легко. Я лишь следовал основному маршруту паломников в Девапраяг, туда, где сливаются воды Ганги и Алакнанды. Когда я шел по берегу Ганги, начался дождь. Было уже поздно, и я принялся осматриваться в поисках какого-нибудь укрытия. Не было никакого смысла продолжать путешествие в тот день. Поискав несколько минут, я нашел маленькую хижину, в которой жил старый *баба*. Я просунул голову в дверь и очень вежливо спросил, разрешит ли он мне здесь переночевать.

Похоже, что он собирался готовить себе еду, поэтому я сказал, что схожу в ближайший магазин и куплю продукты. У людей, подобных ему, дома обычно мало еды. Не желая его обременять, я пошел под дождем купить продукты для нас двоих.

Он принял мое предложение и разрешил мне остаться поужинать и переночевать у него.

Я сходил за покупками, он приготовил еду, а потом мы вместе поели на берегу Ганги. В десять вечера, когда мы сидели с ним, в десяти футах выше и подальше от реки я увидел другую маленькую хижину.

Когда я спросил о ней, он сказал: «Я построил ее, чтобы у меня было, где жить, когда уровень воды в Ганге поднимается. Хижина, в которой я сейчас живу, во время половодья оказывается под водой. Ты можешь спать в ней сегодня ночью. Река не представляет опасности.

У нас у каждого может быть хижина. Какой-то человек прислал мне немного денег, чтобы я мог построить себе еще одну хижину. Я живу тут уже тридцать шесть лет, но только в этом году у меня появилась возможность переезжать в другое место, когда вода в реке поднимается. Я из Бенгалии. Некоторые люди оттуда присылают мне немного денег, чтобы я мог жить несколько комфортнее. Они посылают мне двадцать рупий в месяц».

Этот человек отрекся от мира, чтобы вести жизнь аскета на берегах Ганги. За тридцать лет жизни он ничего не скопил, кроме нескольких горшков для приготовления пищи. Мебели у него не было.

Отправившись спать в его запасную хижину, я обнаружил, что там ничего нет кроме грубого шерстяного мешка, набитого песком. Мешок выглядел так, как если бы его использовали в качестве подушки. Моей кроватью был тонкий слой песка, принесенного из Ганги. Я лег на подушку, но она была неудобной, слишком жесткой. Не знаю, приходилось ли вам спать на подушке, подобной этой. Она даже не проминается, когда на нее кладешь голову, как будто спишь на камне.

Я убрал подушку, подумав, что будет удобнее, если я подложу вместо нее под голову свою руку. Под подушкой я нашел журнал с фотографиями обнаженных женщин. *Садху*, должно быть, прятал его от взглядов обычных посетителей.

Пока мы еще ужинали, он сказал: «Я был холостяком всю свою жизнь. Я старший сын в семье, и все мои братья давно женаты. Я же отрекся от мира давным-давно и не был в своей деревне более тридцати лет. Моя семья знает, что я здесь. Время от времени я получаю от них весточки через паломников, идущих в Бадринат. Помимо этого у меня нет никаких других контактов с прежней жизнью».

Вот что случается с большинством *садху*. Они одеваются в оранжевые одеяния, говоря всем, что отреклись от мира. Они неплохо зарабатывают себе на жизнь, выглядя благочестивыми и святыми снаружи, но внутри они не отреклись от своих желаний. Какой смысл уходить прочь и жить как *садху*, сидя на берегу Ганги, если при этом вы берете с собой все свои желания и все, что принадлежит вам? Этому *садху* было бы лучше оставаться дома и жениться, как сделали его братья.

Подавлять свои желания, делая вид, что их больше нет, – фальшивка. От этого нет никакой пользы.

Я ушел от *садху* на следующее утро и отправился к высотам Гималаев, на север от Бадрината. Именно там через несколько дней у меня произошла гораздо более интересная встреча.

Я шел по тропе, пролегающей на большой высоте. Вокруг были одни ледники. Здесь никто не жил, поэтому я был немного удивлен, увидев высокого молодого человека, шедшего в противоположном направлении. Так как никого в округе кроме нас двоих не было, мы остановились, чтобы обменяться любезностями. Во время разговора он спросил меня, что я делаю в таком труднодоступном месте. Я рассказал ему о своем желании пройти дорогой братьев Пандавов на небеса. Выяснив, что я склонен к духовному, он попросил меня немного посидеть и поговорить с ним, чтобы я дал ему совет по поводу давно беспокоящей его проблемы.

«Я сын помощника начальника почтового отделения из Джамму Тави, – начал он. – Я ходил там в школу, но мне было не интересно изучать академические предметы. Десять лет назад я убежал из школы и больше никогда не возвращался в свои родные края. С тех пор я побывал во многих местах, включая иные *локи* (небесные миры)».

Звучало это интригующе. Я спросил его, как он совершает эти путешествия. Он ответил, что развил в себе *сиддхи*, благодаря которым может путешествовать практически по всей Вселенной.

«У меня была склонность к *кундалини-йоге*, – сказал он. – Убежав из школы, я начал искать учителя йоги, который мог бы меня научить. Сначала меня направили в Вишну Праяг. Там мне сказали, чтобы я отправился к Холму Нарады, туда, где, как предполагается, Нарада

нес свое наказание. С другой стороны того холма есть место, где живет много *сиддхов*. Я нашел одного и уговорил его взять меня в ученики.

Я овладел всем, чему он меня учил. Казалось, у меня природные способности к этому. Я научился левитировать. Я научился делать так, чтобы мое тело одновременно появлялось в разных местах. Я научился вызывать таких богинь, как Дурга и Лакшми, и просить у них покровительства. Сарасвати дал мне способность говорить на любом языке и даже понимать, что говорят растения и камни. Я даже знаю, как путешествовать к другим мирам».

В это трудно было поверить. Думая, что он просто хвастается, я решил проверить его способность говорить на разных языках. Он сказал, что его родным языком был догри, и предложил мне поговорить на любом языке, который я знаю. Я задал несколько сложных вопросов на парси, каннадском, тамильском, марати, гуджарати, синдхи и конкани, и на каждый вопрос он давал быстрый ответ, поражая прекрасным произношением и словарным запасом.

Я был впечатлен и все больше начинал верить другим его утверждениям. Потом я попросил его продемонстрировать мне левитацию. Он согласился, и через несколько минут его тело уже поднялось над землей и начало перемещаться в разных направлениях.

Хотя левитация и указана как одна из *сиддх*, которую каждый может достичь, практикуя систему Йога Патанджали, все-таки он был единственным человеком в моей жизни, который смог мне это продемонстрировать. Многие люди, практикующие Трансцендентальную Медитацию, утверждают, что научились летать, пройдя курс *сиддхи*, но все, что они могут делать, – подпрыгивать со скрещенными ногами. Этот же человек поднялся в воздух и остался там. Когда он хотел двинуться влево, поворачивал налево, когда хотел двинуться вправо, то поворачивал направо. Он полностью контролировал свой полет во всех направлениях.

Он спустился на землю, и мы продолжили разговор.

«Все это очень интересно, – сказал я, – но ты делаешь только то, что сможет сделать любая птица в небе. Что еще ты можешь?» Я хотел спровоцировать его показать мне еще какие-нибудь трюки.

«Я могу находиться в двух местах одновременно», – сказал он, явно уязвленный тем, что не удалось произвести на меня впечатление. И затем без какого-либо побуждения с моей стороны его тело проявилось в двух разных местах.

«Я даже могу быть больше, чем в двух местах», – заявил он. И у меня на глазах он снова разделил себя и появился в нескольких разных местах передо мной.

«Неплохо, – сказал я. – Но одного тела мне достаточно. Даже одно тело приносит мне больше разного рода беспокойств, чем нужно. Зачем же мне увеличивать трудности в пять или шесть раз? И сколько смогут просуществовать эти тела? Будешь ли ты жить в шесть раз дольше, имея шесть тел? Я так не думаю. Когда одно тело умирает, остальные тоже умирают».

«Некоторые из моих сил очень практичны и полезны, – ответил он. – Я покажу тебе. Что бы ты хотел поесть?»

Я огляделся. Мы были за много миль от любого населенного пункта. В поле зрения не было никакой растительности, а у него с собой не было никакой сумки, в которой могла бы быть еда.

«Откуда ты собираешься достать еду?» – спросил я. Я питался корнями и листьями, которые едят местные. Никакой другой еды в этих местах не было.

«Я владею другой *сиддхой*, – сказал он. – Если мне нужна еда, мне могут ее принести. Такую способность мне подарила богиня. Я вызываю ее, говорю, что хочу, и это мгновенно материализуется передо мной».

Я заказал особое блюдо из Варанаси, и через несколько секунд оно материализовалось передо мной. Я попробовал его и вынужден был признать, что по вкусу оно было такое же, как самое лучшее блюдо, которое только подают в Варанаси.

«Что еще ты можешь делать?» – спросил я. Благодаря этому человеку я сделал очень интересную остановку на моем паломническом пути. Я хотел знать, какие еще способности он развил в себе.

«Я могу путешествовать к другим планетам и свободно посещать астральные миры, кроме одного. Каждый раз, когда я достигаю Брахма локи и стараюсь попасть внутрь, стражи ворот не пропускают меня. Это единственное место во Вселенной, куда я не могу попасть. У моего гуру была та же проблема. Он тоже не мог войти туда. *Дварпаллы* (стражи ворот) всегда останавливали его. Брахма лока – место, откуда не возвращаются. Стоит лишь войти туда, и ты больше никогда не вернешься в мир *сансары*. Это то место, куда могут входить лишь просветленные, и ни мой гуру, ни я сам не могли попасть туда».

Хотя он и хотел продемонстрировать свои *сиддхи*, он не был заносчивым. Он знал, что в жизни есть нечто большее, чем сверхъестественные фокусы.

Он продолжал говорить, рассказывая мне: «Мой гуру сказал мне, что эти *сиддхи* не высочайшее достижение. Что все эти силы идут только от ума и что только *джняна*, или истинное знание, – высочайшее достижение.

Мой гуру сказал мне: „Очень трудно найти человека, кто бы мог передать это высочайшее знание. У меня нет этого знания, и я никогда не встречал кого-либо, кто бы им обладал. Это очень редкое достижение. Я научил тебя всему, что знаю сам, но я не могу дать тебе это последнее знание, поскольку у меня самого его нет. Когда я умру, ты должен покинуть это место и искать человека, который бы показал тебе, что такое *джняна*“.

Мой гуру умер два года назад в возрасте девяноста двух лет. С тех пор как он умер, я странствую повсюду в поисках такого человека. Я даже побывал на Кумбха Меле, надеясь найти того, кто бы меня научил. Я встречал много йогов, но ни один из них не был *джняни*, человеком, у которого есть это окончательное знание. Я рассказывал всем людям, которых встречал, о том, что развил в себе все *сиддхи*, и демонстрировал, что говорю правду. Каждый раз, лишь только йоги видели, какие способности я демонстрирую, они всегда просили меня научить их делать подобное. Но этому за полдня не научишь. Если бы я увидел, что эти люди серьезно настроены, я бы предложил им пойти со мной к высотам Гималаев и долгие годы оставаться рядом со мной.

Никто из тех, кого я встречал, не был готов взять на себя такое обязательство, поэтому я никогда никому не передавал свои знания.

Пока мой поиск был безуспешным. У меня нет учеников, чтобы передать им свои знания, и мне еще нужно найти того, кто, как сказал мой гуру, в силах передать мне *джняну*».

Я сам выполнял все эти практики йоги и встречал много других, которые также ими занимались. Они полезны, если вы показываете трюки другим людям, чтобы произвести на них впечатление, но они не освободят вас от связанности. Они не разорвут бесконечный цикл страданий.

Я заметил, что у йога был с собой особый посох и что он обращался с ним с большим почтением. Мне было любопытно узнать его значение, и я спросил его, что это был за посох.

«Мне дал его мой гуру, – ответил он. – Сила и знание, которые он передал мне, все в этом посохе. Пока он у меня, у меня те же способности, что и у моего гуру».

«Эта палка мешает твоему просветлению, – сказал я ему. – Ты привязан к тем способностям и знаниям, которые, как ты думаешь, ты извлекаешь из нее. Если тебе на самом деле нужна *джняна*, которую, ты говоришь, так хочешь получить, ты должен отказаться от своей палки и от всех способностей, которая она дает. Я могу помочь тебе, но пока ты не выбросишь ее в реку, не собираюсь ничего делать».

Должно быть, он поверил мне, потому что, подумав несколько секунд, он выбросил свой посох в стремительный поток, бегущий в нескольких ярдах от нас. Его драгоценный посох тут же унесло. После того как его не стало, я попросил его продемонстрировать любую из его *сиддх*. Он был так уверен, что его сила была в том посохе, что не смог показать даже простых йоговских штук.

Я посмотрел, что у него ничего не выходит, и сказал: «Это были твои силы. Они пришли и ушли. Они не постоянны. Ты ими воспользовался, и они кончились. Сейчас я покажу тебе нечто, что не имеет отношения ко времени. Я покажу тебе то, что нельзя потерять или выкинуть. Я покажу тебе твое собственное Я».

Я был уверен, что смогу это сделать, я видел по его лицу, что он был чистым человеком, готовым к такому опыту.

Он гордился своими достижениями, но любой человек на его месте вел бы себя точно так же. Он видел всех знаменитых йогов Индии, но никто из них не обладал такими *сиддхами*, как он.

«Сядь тихо напротив меня», – сказал я.

Мы сидели лицом к лицу, внимательно глядясь в глаза друг друга. Я посмотрел на него особым взглядом, которым редко смотрю на кого-либо.

Он мгновенно реализовал это. В этот вечный момент он закричал: «Я понял! Я понял! Я есть! Я Брахман, пребывающий в Сердце всех существ, руководящий ими согласно их прежним кармам! Когда кармы истощатся, все исчезнет во мне!»

Он был очень взволнован своим новым открытием. Это удивительный момент, когда кто-то избавляется от преходящего и нереального и находит внутри себя истинное и постоянное. Люди реагируют по-разному. Этот человек прокричал свою радость так громко, как только смог.

Когда он немного успокоился, я спросил его, удовлетворен ли он.

«Есть ли еще что-то, что ты хочешь или в чем нуждаешься?» – спросил я.

К моему удивлению, он ответил: «Да».

Затем он продолжил, объясняя: «Мой гуру сказал мне: „Если ты когда-нибудь найдешь того, кто сможет передать тебе *джняну*, ты должен будешь служить ему до конца своих дней. Даже служа всю жизнь, ты не сможешь в должной мере заплатить ему за этот высший дар“.

Сейчас я понимаю верность этого совета. Ты показал мне, кто я. Я хочу отблагодарить тебя, служа тебе до конца твоих дней».

В те дни я был здоровым, крепким мужчиной, которому не нужна была никакая помощь. Я отнюдь не хотел, чтобы люди сопровождали меня, потому что я всегда предпочитал свободу перемещений, чтобы никто не ходил за мной. Я любил проводить много времени в уединении, и не смог бы это делать, если бы рядом со мной все время были бы люди, старающиеся услужить мне.

Я сказал ему: «Мне не нужна ни от кого никакая помощь. Я отлично могу заботиться о себе сам. Сейчас ты можешь делать все, что пожелаешь. Твоя работа закончена. Оставайся

здесь, если хочешь. Сейчас, когда ты получил это знание, другие люди могут приходить к тебе за наставлениями».

Прежде чем расстаться, мы молча посидели с ним немного. Я продолжил свое путешествие, он же остался там, где мы встретились. Мы сидели в таком месте, откуда все было видно на несколько миль вокруг. Когда я прошел полчаса и оглянулся, он все еще сидел там же, глядя в мою сторону. Пройдя еще несколько минут, я скрылся у него из виду. Больше мы никогда не встречались.

Это одна из любимых историй Пападжи, которую он рассказывал много раз. После одного из таких рассказов я спросил его: «Различные локи, о которых говорят йоги, это реально существующие места? Действительно ли есть место, называемое Брахма локой, в которое могут попасть лишь просветленные? Были ли Вы там?»

Он ответил: «Есть много мест, о которых ученые ничего не знают. Эта лока создана Высшим Разумом. Желание йога тонко проявляет эти миры, и он может отправиться туда, если захочет.

Все миры, какими бы тонкими они ни были, – проекции ума. Если бы у меня было желание отправиться в такие места, я бы мог это сделать и наслаждался бы ими, но у меня нет такого желания. Когда такого желания нет, эти миры даже не проявляются».

Затем Пападжи продолжил описывать свое последнее приключение по дороге на Небеса:

Через несколько дней, на еще большей высоте у меня произошла еще более удивительная встреча. За поворотом я увидел перед собой Шиву и Парвати. Они проявились передо мной играющими в кости.

Шива улыбнулся мне и сказал Парвати: «Пришел хороший преданный. Давай встретим его, как подобает».

Она расстелила медвежью шкуру и пригласила меня присесть на нее. Когда я удобно расположился, она пошла, чтобы приготовить мне немного *поясам*. Это разновидность сладкой каши, которую едят на Юге. Я с удовольствием съел ее. У нее был божественный незабываемый вкус. Каждый раз, когда я вспоминаю этот случай, во рту появляется тот же вкус. Даже спустя десятилетия вкус все еще чувствуется.

Насладившись *поясам* и обществом Шивы и Парвати, я решил вернуться в долину. Отправившись к высотам Гималаев в поисках небес, я нашел Шиву и Паравати, которые лично оказали мне гостеприимство. Для меня этого было достаточно. Мне не нужно было продолжать путешествие. Я направился обратно, пока не достиг Джоши Матха, одного из ашрамов Шанкарачарьи. Я остался на несколько недель в пещере Аннапурны, – мне нужно было время, чтобы отдохнуть после столь трудного пути. Это та самая пещера, где, как говорят, Ади Шанкарачарья написал «Вивекачудамани» и свои комментарии к «Упанишадям». А также это то место, откуда он отправил своих четырех учеников учить: Сурешварачарью в Шрингери, Педампаду в Дварка Питам, Хастамалаку в Бадрика Ашрам и Тротакачарью в Джаганат Пури.

Пападжи отправился в новую исследовательскую экспедицию в тот же самый район где-то в 1950 году. Один из его последователей дал ему книгу «Автобиография йога», написанную Парамахамсой Йоганандой. В этой книге автор прослеживает свою духовную линию до бессмертного йога, называемого Вабаджи, до сих пор время от времени являющегося своим ученикам. Йогананда заявляет, что Вабаджи тысячи лет и что все это время у него вечно юное тело. Пападжи захотел проверить это, отправившись в путешествие в Гималаи, чтобы найти этого неуловимого Вабаджи.

Он поехал в удаленное место на севере Вадрината и призвал: «Вабаджи, если ты на самом деле существуешь, пожалуйста, появишься передо мной!»

Через несколько секунд перед ним материализовалась человеческая форма. Некоторое время они безмолвно смотрели друг на друга.

Позднее Пападжи рассказывал некоторым своим преданным в Лакнау: «Пока я смотрел в его глаза, у меня было четкое ощущение, что я стоял перед Шукадовой, древним риши. Если это было на самом деле так, то ему было много тысяч лет».

Когда я расспрашивал Пападжи о его встрече с Вабаджи, он удивил меня, сказав: «Я никогда не встречал Вабаджи. В пятидесятых некоторые люди говорили, что я и есть Вабаджи, но я никогда этого не заявлял».

Пападжи никогда неутверждал, что человек, который появился перед ним около Вадринаата, и был Вабаджи, даже несмотря на то что именно это имя он и произносил. Кто-то явно возник тогда, но Пападжи, кажется, не верит, что это был тот самый человек, имя которого он произносил.

Хотя две экспедиции – посвященные поиску дороги на Небеса и Вабаджи – не достигли своих изначальных целей, они, тем не менее, привели к интересным неожиданным сверхъестественным встречам.

Еще одно путешествие, у которого также была непростая цель, оказалось полностью неудачным. Это произошло в 1966 г., вскоре после того, как Пападжи вышел на пенсию после работы в горной промышленности.

Др. Дататрея Бакр и я отправились в Ришикеш. Он хотел пойти в Девапраяг, чтобы совершить церемонию *шраддхи*, посвященную предкам. Эти церемонии обычно проводятся на месте слияния рек Алакнанды и Бхагирати. Я пошел с ним и спросил, могу ли я совершить эту церемонию для самого себя.

Он ответил: «Да, это возможно, но в момент совершения происходит акт отречения. Когда церемония завершится, ты не должен переступать порога своего дома. И после твоей смерти твоему сыну Суренде не придется ее проводить, так как ты это уже сделал. Это как принять *санньясу*. Ты станешь не-личностью и разорвешь все связи со своей семьей».

Когда церемония была завершена, я попросил доктора вернуться назад – мне хотелось отправиться в путешествие в одиночестве. Когда-то много лет назад я читал, что в Гималаях есть тайное место, где в особом ашраме живет много *риши*. По-видимому, они все свое время проводят, рецитируя Веды. Это тайное место упоминалось в журнале «Мастана Йоги», который я читал много лет назад в Лахоре. Статья была написана человеком, утверждающим, будто бы в тот момент, когда он совершал омовение в Хар-ки-Паири в Харидваре, его вдруг внезапно подняло в воздух и перенесло высоко в Гималаи. Он опустился во что-то подобное огромному огню. Оказавшись в этом пламени, он почувствовал, что каким-то образом все его тело очистилось. Физического горения не было. Выйдя из этого огня, он увидел много *риши*, сидящих в пещере перед ним. По его описанию, у них были длинные седые волосы, кустистые брови и очень широкие красные глаза.

Судя по всему, у *риши* давно не было посетителей. Они посмотрели на прибывшего к ним и спросили, какая сейчас *юга*. В *кальпе* четыре *юги*: *сатья*, *двапара*, *трета* и *кали*. Каждая длится тысячи лет.

Риши сказали ему, что будут оставаться в этом месте, рецитируя Веды, до конца *кали юги*, последней *юги* данной *кальпы*. Когда приблизится конец *юги*, они намереваются спуститься на равнины Каши (Варанаси). *Риши* ожидали *маханпралаяю*, момента растворения космоса. В этот момент, сказали они, все живые существа на Земле погибнут.

Эта история всегда меня заинтриговывала. Я хотел знать, действительно ли в Гималаях есть *риши*, живущие там тысячи лет. Я прошел весь район, указанный в статье, но не смог найти ни следа пещеры, ни самих *риши*.

В шестидесятые годы Пападжи стали посещать иностранцы, приезжающие в Ришикеш в поисках просветления. Одной из первых он встретил бельгийку Женевьеву Деку, которой позже он дал имя Мира. Вот ее описание встречи с Пападжи в декабре 1968 г.

У меня было очень счастливое детство в Африке, но, приехав в Бельгию для учебы в школе, а потом в университете, я начала чувствовать абсолютную неудовлетворенность всем, что предлагает мне жизнь. Меня все время мучили вопросы «Что есть жизнь? В чем смысл жизни?», и моя неспособность найти удовлетворительный ответ делала меня несчастной. Я отчаянно старалась найти ответ, зная, что от этого зависит мое благополучие. Затем, когда я готовилась к экзамену по философии, который сдают на второй год учебы на получение степени по археологии, я наткнулась на известное высказывание Сократа «Познай самого себя». Оно так поразило меня, что я поняла, что нашла ответ на свой вопрос.

В тот же самый день я бросила университет, пришла домой и сказала матери: «Мне необходимо найти мудрого человека, такого, как Сократ. Я слышала, что Индия как раз то место, где можно встретить таких людей. Я намереваюсь отправиться туда как можно скорее. И я не собираюсь возвращаться до тех пор, пока не встречу учителя, который сможет показать мне, кто я».

Хотя в то время мне было только двадцать, моя мать не возражала. Я думаю, она видела, как я была решительно настроена, и, возможно, поняла, что мое решение непреклонно.

В течение следующих нескольких дней я выпрашивала и занимала деньги на поездку. Через неделю я отправилась в путь, и с собой у меня было, как сейчас помню, лишь бутылка вина, хлеб и лук, чтобы можно было питаться в дороге. Я попросила маму не говорить ничего отцу, пока не уеду, потому что знала, что он попытается меня остановить. Так как мне не было еще двадцати одного, у него было законное право не пустить меня в эту поездку. Моя мама выручила меня, сказав, что я поехала погостить на несколько дней к друзьям. Она рассказала ему правду лишь на третий день после моего отъезда.

У меня было очень мало денег, поэтому я доехала автостопом до Стамбула и затем тропой хиппи пошла в Индию.

Некоторое время я пожила в Афганистане и провела два или три месяца с суфием, который жил в горах около Кабула. Осознав в конце концов, что это не тот учитель, которого я так ищу, я отправилась в Индию и приехала туда в августе 1968 года.

Как только я вышла из поезда на станции в Дели, тут же начала спрашивать о гуру и меня буквально засыпали адресами дюжины мест, разбросанных по всей Индии. У меня не было желания проверять какие бы то ни было имена из списка. Вместо этого я решила, что если уж мне суждено встретить учителя, это произойдет в правильное время в правильном месте. У меня возникло ощущение, что как только я увижу учителя, я его узнаю.

Так как многие ашрамы и гуру, о которых мне рассказывали, жили в Гималаях, я решила поехать напрямик в Ришикеш, и пусть события разворачиваются сами собой. По прибытии я нашла место в ашраме Сварги и сразу же влюбилась в Гангу. У меня началась очень простая жизнь: в течение дня я проводила много часов, гуляя по берегам Ганги, по направлению к Ришикешу или Харидвару, в надежде встретить своего неуловимого учителя.

Во время одной из прогулок, гуляя около Сапт Саровара, расположенного вверх по течению от Харидвара, я встретила человека по имени свами Чандра. Он жил один на островке посреди Ганги. У меня возникло ощущение, что он святой, с которым стоило остаться, поэтому я начала приходить к нему каждый день. Он инициировал меня, дав мне мантру, и это стало новым этапом в его жизни, так как до этого он не посвящал ни женщин, ни иностранцев.

Я регулярно приходила туда в течение двух месяцев, но потом решила: «Я уже достаточно наслушалась поучений других людей. Я сама хочу обнаружить, что есть истина. Я буду жить одна и ждать, когда истина проявит мне себя».

Я ушла из ашрама Сварги и поселилась в пещере. Большую часть времени после этого я медитировала или купалась в Ганге. В обед я ела *бхикшу* (бесплатную еду) из ашрама. Я говорю «медитация», но это не было чем-то формальным. Я просто тихо сидела и наблюдала, что происходило внутри меня. Так я жила до начала декабря. Срок моей визы истек, но я не собиралась уезжать, пока не получу того, ради чего приехала.

Хотя я жила простой жизнью, тем не менее время от времени мне все-таки были нужны деньги. В какой-то момент в декабре я обнаружила, что у меня осталась последняя рупия. Я решила пойти в отель Лакшми и потратить эту рупию на чашку чая. В те дни у меня была одна книга, сборник стихов Кабира. Я взяла ее в отель и читала, пока пила чай.

В то время как я сидела и читала, ко мне подошел какой-то человек, встал перед моим столиком и спросил: «Тебе нужна помощь, чтобы понять эти стихи, мое дорогое дитя? Возможно, я смогу тебе помочь».

Я уже достаточно встречала людей, которые во что бы то ни стало хотели помочь мне, поэтому решила что-нибудь придумать, чтобы отделаться от него: «Нет, спасибо. Я прохожу обучение в ашраме Шивананды. Если мне понадобится помощь, я могу попросить тех, кто живет там».

Мужчина казался очень вежливым. Он повторил свое предложение и добавил: «Если я буду тебе нужен, ты сможешь найти меня каждый день в пять часов утра на берегу Ганги».

Через два дня ночью мне приснился очень ясный сон. Он был таким ясным, как если бы это было какое-то видение. Передо мной возникло лицо того самого человека, и он сказал: «Возможно, я тот, кого ты ищешь».

На следующее утро я решила поискать его там, где, как он сказал, его можно было найти. Он действительно сидел около реки. Он начал смеяться, когда узнал меня, но это был добрый дружеский смех. В промежутках между взрывами смеха он предложил мне сесть рядом с ним.

Перестав смеяться, он повернулся ко мне и спросил: «Что ты хочешь? Зачем ты пришла ко мне?»

Тогда я была очень наивной. В драматической манере я воскликнула: «Я хочу космическое сознание, и если есть что-нибудь большее, чем это, мне это тоже нужно!»

Это вызвало еще один взрыв смеха.

«И что ты делаешь, чтобы получить его?» – спросил он, когда перестал смеяться.

«Я медитирую».

«Тогда покажи мне, как ты это делаешь», – потребовал он.

Я закрыла глаза и попыталась медитировать перед ним. Я не помню, как долго мои глаза были закрыты, но через некоторое время я внезапно решила их открыть. Оглядевшись, я увидела небо и Гангу. В тот момент, когда я оглядывалась, что-то щелкнуло. Что-то, что было таким простым и очевидным, вдруг предстало передо мной. Хотя оно было очень ярким, это не было чем-то вроде эффектного взрыва. Это больше походило на тихий восход знания, на внезапное осознание того, что было всегда.

Я посмотрела на него, но все, что я смогла произнести, было: «Это так просто, так просто». Я поклонилась ему в ноги, так как знала, что нашла учителя, которого искала всю жизнь. Я приняла его не как учителя, который просто дал мне этот опыт. Было что-то еще. Когда я смотрела на него, было сильное чувство, что я знала его очень давно и лишь временно забыла, кто он. Наряду с этим странным чувством была сильная симпатия. Я хотела провести всю свою жизнь с этим человеком. Я не хотела упускать его из виду. Однако следующие его слова шокировали меня.

«Ты можешь идти теперь. Ты получила то, ради чего пришла. Теперь ты можешь идти».

Я была в ужасе. Наконец-то после долгих напряженных поисков и практики на протяжении месяцев я нашла своего учителя. Он дал мне этот замечательный опыт и сейчас просто

хочет уйти из моей жизни. Я просила и просила, но он отказывался разрешить мне остаться с ним. Это было похоже на нечто в духе дзэн.

В конце концов он оттолкнул меня, сказав: «Сейчас мне надо идти. Если я тебе еще когда-нибудь понадобится, я снова найду тебя».

После того как он ушел, я поняла, что абсолютно ничего про него не знаю. Я не знала его имени, не знала, из какого он города, не знала, куда он пойдет дальше, не знала даже, где он остановился в Ришикеше. Единственное, что я знала, так это то, что в пять часов утра его иногда можно будет видеть на берегах Ганги, именно на этом участке реки.

Я вернулась в свою пещеру недалеко от ашрама Сварги. Хотя я и чувствовала разочарование от того, что не знала, как вновь встретиться со своим учителем, я все еще была в экстатическом состоянии. Ощущался странный аромат, который я никак не могла классифицировать. Опыт, который я получила, казался полным и окончательным. Я почувствовала, что больше он ничего не может мне дать, но в то же время у меня было терзающее, изводящее желание быть физически рядом с ним, быть в его компании все время. Оно так заполнило меня, что я принялась бегать и танцевать. Я побежала в близлежащий лес и стала обнимать и целовать там деревья. Я чувствовала полное единство со всем, что было вокруг меня, и хотела выразить свою любовь, обнимая все, что видела.

Позже я села и задумалась, как можно снова увидеть этого человека. «Он иногда появляется на берегу реки, – подумала я. – Хотя он и сказал про пять утра, но он может вернуться туда в любое время. Я могу пропустить его, если не буду постоянно наблюдать за этим участком реки. Нужно найти место, откуда я могла бы постоянно смотреть на этот берег».

Я посмотрела вокруг и увидела прекрасное большое дерево, росшее прямо рядом с рекой. Сидя под тенью его ветвей, я обнаружила, что отсюда открывается хороший вид на то место, куда мог прийти мой учитель. Я вернулась в пещеру, собрала свои скудные пожитки и начала жить под деревом. Экстатическое состояние стерло все трудности жизни под открытым небом. Было нетрудно жить в центре паломничества, таком, как Ришикеш. Я носила оранжевую одежду, традиционный цвет *санньясинов*, поэтому местное население оказывало мне почет, даже несмотря на то что я нисколько не разговаривала. У меня было только одно платье. Когда нужно было помыться, я заходила по пояс в реку и терла на себе платье. У меня было только одно одеяло, но его было вполне достаточно, чтобы защититься от холода, когда температура ночью опускалась до трех-четырех градусов по Цельсию.

Вначале я часто ходила за *бхикшей*, которую давали в одном из ашрамов – у меня не было денег на покупку еды, – но когда местные люди увидели, что большую часть дня я медитирую под деревом, некоторые стали оказывать мне поддержку. Обычно я открывала глаза после медитации и находила тарелку еды перед собой. Я никогда не знала, ни откуда появляется пища, ни кто меня кормит. Я гуляла, плавала в Ганге и медитировала, но большую часть времени просто сидела под деревом и наблюдала, как люди ходят по берегу реки. Я знала, что рано или поздно мой учитель вернется.

И он действительно вернулся через восемь месяцев. Как-то вечером я сидела под деревом и медитировала, и вдруг внезапно у меня возникло желание открыть глаза и посмотреть. Он шел ко мне с улыбкой узнавания на устах. Все эти восемь месяцев он был далеко от Ришикеша, навещал своих преданных, живущих в других частях страны, а теперь вернулся, чтобы снова провести время на берегах Ганги.

Когда в ходе моей исследовательской работы всплыла эта история, Пападжи прокомментировал: «Я распознал в ней пламя свободы. Это пламя горит очень редко. Я не часто вижу его на лицах людей, но одного взгляда на эту девушку было достаточно, чтобы понять – она полностью посвятила свою жизнь поиску свободы».

Пападжи не знал, что Мира терпеливо ждала его под деревом.

Вот что он обнаружил, вернувшись в Ришикеш после восьмимесячного отсутствия:

Когда я вернулся в Ришикеш из Лакнау, я переплыл на лодке реку и сел на скамейку под тенистое дерево, наблюдая за прохладными текущими водами Ганга. Рядом со мной отдыхала семейная пара из Гуджарата, они указали мне на девушку, сидящую на берегу реки, и сказали: «Она единственная женщина *садху*, которую мы видели в Ришикеше». Это была та самая девушка, которую я встретил в ресторане Лакшми. Они сказали, что у нее только одно платье и одно одеяло и что она все время проводит, медитируя под деревом.

Женщина из Гуджарата прибавила: «Однажды, когда она отправилась на прогулку, мой муж положил немного денег под коврик, на котором она сидит. Когда она вернулась и нашла деньги, она их просто выбросила в реку и продолжила медитировать».

Мира продолжает свой рассказ:

Он по-прежнему не позволял следовать за ним, но зато уверил, что будет приходить каждый день под мое дерево, чтобы повидаться со мной. С того дня он стал появляться с тарелкой еды каждый день около полудня, садился рядом, и пока я ела, отвечал на все скопившиеся у меня духовные вопросы. Я рассказала ему о своем переживании после нашей первой встречи, о том блаженстве, благодаря которому я прожила восемь месяцев в прекрасном состоянии покоя, несмотря на отсутствие физического комфорта. Я сказала ему, что хотя экстаз через несколько месяцев поутих, на его место пришло глубокое ощущение покоя. Во время медитаций у меня было много необычных переживаний, и я подробно рассказала ему обо всем, что со мной происходило. Все, что я говорила ему, он слушал очень внимательно и в большинстве случаев положительно комментировал мои рассказы. Только во время наших встреч я узнала, что его зовут Пападжи, что у него есть семья в Лакнау и что он проводит много времени, путешествуя по Индии, навещая своих многочисленных преданных.

Однажды он пришел очень рано, так рано, что ему даже пришлось меня разбудить. С ним был один из его преданных, которого он представил как Балдев Радж. Они проводили большую часть времени в Ришикеше вместе.

Балдев Радж был одним из преданных Пападжи, живущим в Лакнау. В детстве они жили недалеко друг от друга, но встретились лишь в 60-х. Они оба приехали как беженцы в Лакнау в 1940 г. и поселились в разных частях города.

Пападжи сказал мне, что в шестидесятых – семидесятых годах у Балдева Раджа была такая сильная преданность к нему, что его лицо стало меняться, пока не стало удивительным образом походить на лицо Пападжи. Он объяснил, что когда ум полон любви к кому-то, тело и лицо могут меняться, принимая облик возлюбленного. В данном случае превращение было весьма удивительным: Пападжи рассказал, что однажды жена Балдева приняла Пападжи за своего мужа и обняла его.

Что-то подобное произошло и с Мирой в течение первых же месяцев общения с Пападжи. Через несколько лет он прокомментировал это в своем письме к Шри Б. Д. Дезаю. Повод для разговора возник, когда Пападжи заметил, что почерк Шри Дезая стал напоминать его собственный:

Увидев твое письмо от третьего декабря, адресованное Шеван Джи, я осознал, что твой почерк абсолютно похож на мой. Здесь (в Лакнау) все думают, что это я написал Шеван Джи. Только Мира смогла понять истинное значение происшедшего – почерк может стать похожим на почерк учителя в том случае, если свободно текущий поток преданности центрируется на сердце

учителя. Мира рассказала мне, что подобная история произошла с ней три года назад. Когда она купалась в Ганге, к берегу подошел *санньясин*, которого она очень хорошо знала, и спросил ее: «Где Мира?» Когда Мира сказала, кто она, *санньясин* был в шоке, глядя на произошедшие с ней перемены.

Он сказал: «Ты стала такой же, как твой учитель. Я не узнал тебя. Твой физический облик и, кажется, даже твой пол изменились».

**Пападжи, остановившийся по пути к Пул Чатти,
голова Миры на заднем плане. Фотография была
сделана вскоре после их второй встречи в 1969 году**

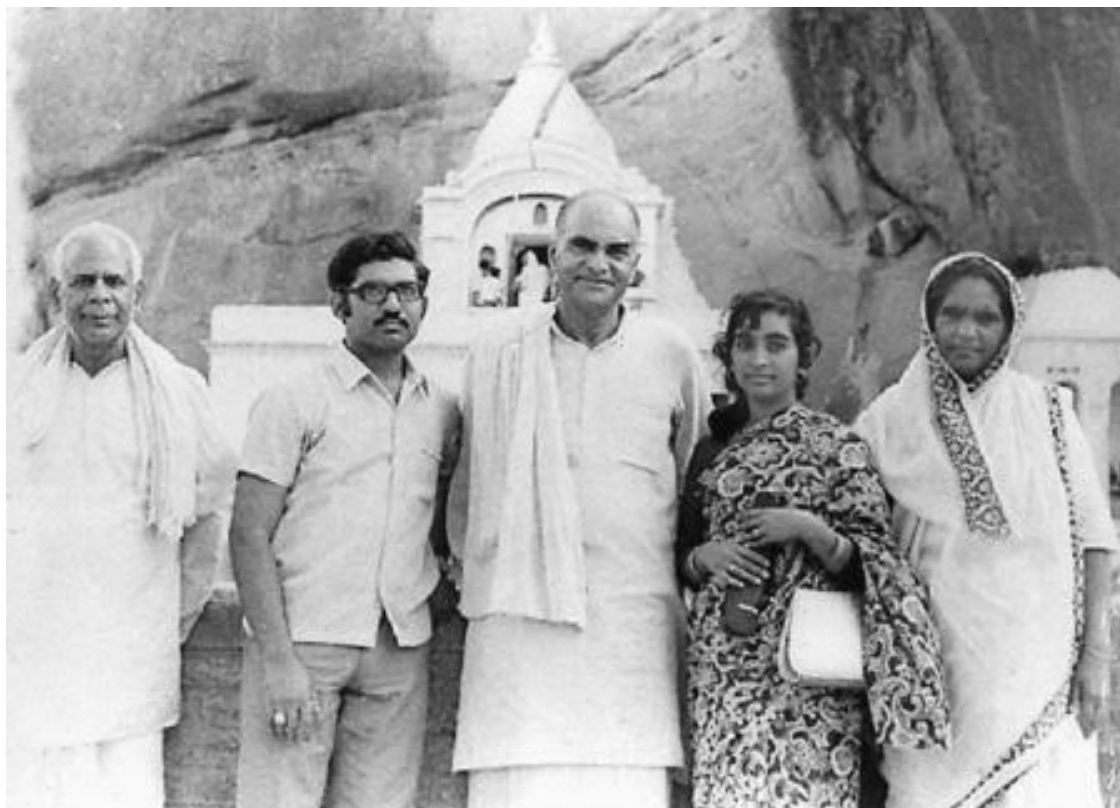
Балдев Радж примерно того же возраста, того же роста, что и Пападжи, и родом он из той же части страны, так что ему было не так уж трудно стать похожим на Пападжи. Двадцатилетняя блондинка Мира должна была претерпеть гораздо большие трансформации, чтобы человек, хорошо знающий ее, не смог ее узнать. Она продолжает повествование:

В тот день, разбудив меня рано утром, Пападжи пригласил меня на прогулку с ним и Балдевом Раджем. Мы отправились в Пул Чатти, небольшой ашрам, находящийся на берегу Ганги в шести километрах к северу от Ришикеша. В то время туда было не так-то просто дойти, как сейчас. Это был первый раз, когда учитель разрешил мне провести с ним целый день. Я узнала, что он живет в одном из местных ашрамов, потому что Пападжи сказал, что я могу приходить к нему, когда захочу. С того момента я стала проводить с ним гораздо больше времени. Он не только приносил мне еду днем, но и часто стал приходить утром или вечером, а если его не было, я отправлялась навестить его, пользуясь его постоянно действующим приглашением.

Эта идиллия длилась примерно полтора месяца. А потом Пападжи шокировал меня, сказав, что собирается отправиться в путешествие на Юг и что я не могу поехать с ним.

Я спросила его о причине отказа, и он ответил: «Когда я пускаюсь в такие странствия, то всегда путешествую один. Временами мне необходимо быть наедине с самим собой. Отправляясь в подобные поездки, я никогда раньше не брал с собой иностранцев».

Больше я не представляла себе жизни без него, поэтому я все умоляла и умоляла, пока он наконец ни уступил. Когда же он в конце концов согласился, то заставил меня подписать «договор», который он составил у себя в записной книжке. Согласно этому документу, я должна была без ссор и споров покинуть его, лишь только он попросит меня об этом. Я с радостью подписала. Я бы подписала что угодно, лишь бы остаться с ним.

Пападжи в Харидваре в начале 70-х. Балдев Радж – крайний слева, Сумитра, младшая сестра Пападжи, чьи рассказы (или рассказы о которой) фигурируют в главе «Ранние годы жизни», – справа. По обеим сторонам от Пападжи – дочь Сумитры и ее муж

На следующее утро, переправившись на небольшой лодке через реку – в то время там не было моста, – мы сели на поезд, который привез нас во Вриндаван.

Была еще одна причина нежелания Пападжи брать ее. Пападжи сказал ей: «Во Вриндаване не медитируют, там выражают свою преданность». Он сказал ей об этом, но ей было все равно. Она по-прежнему хотела поехать с ним. Пападжи разрешил, но взял с нее обещание, что она вернется в Ришикеш, как только он попросит ее об этом.

О дальнейших событиях теперь рассказывает Пападжи:

Приехав во Вриндаван, я хотел вместе с ней посетить Храм свами Шри Ранганатха, но у смотрителя были инструкции не пускать иностранцев внутрь. И он старательно исполнял указания. Человек, который уже имел *даришан* в храме, увидел, как я спорю со смотрителем, и вмешался. Он отвел нас к секретарю ашрама и объяснил ему, что мы хотим войти в храм, чтобы получить *даришан* божества. Секретарь оказался добрым и вежливым, он объяснил нам, что устав храма запрещает иностранцам входить внутрь. Он против этой политики, но вынужден подчиниться, раз его наняли для этого. Он предлагал изменить это положение, но попечители храма до сих пор не обсудили и не проголосовали за его изменения. И чтобы показать, что он сочувствовал нам и вынужден был отказать не по своей воле, предложил место в доме для VIP гостей. Позднее мы узнали, что в его роскошных апартаментах совсем недавно жили члены правительства, когда приезжали во Вриндаван. Он сказал, что мы можем оставаться в доме

столько, сколько захотим, и распорядился, чтобы нам приносили завтрак, обед и ужин прямо в наши комнаты.

Когда я разговаривал с Мирой об этом эпизоде, она вспомнила, что им удалось попасть в храм и получить даршан:

Он привел меня к большому храму, но человек у ворот не захотел нас впустить. Пападжи отказался принять «нет» в качестве ответа и провел ряд оживленных переговоров с некоторыми официальными лицами храма. Я думаю, что в конце концов он каким-то образом смог их очаровать и убедить в том, что, несмотря на мои белокурые волосы и неспособность произнести ни слова на одном из индийских диалектов, я, тем не менее, являюсь брамином. И мы не только смогли войти внутрь, чтобы взглянуть на божество, но нам также были предложены апартаменты в доме для VIP гостей (очевидно, там еще недавно жил премьер-министр). У нас даже не было чистой одежды, чтобы переодеться, однако в конечном итоге с нами стали обращаться так, как будто мы были членами королевской семьи.

В тот момент, как я ступила на землю Вриндавана, у меня произошла вспышка узнавания. Хотя я никогда не была здесь, все выглядело таким знакомым, и когда я ходила по улицам, я знала, что увижу за следующим поворотом.

Раньше я ничего не знала о традиции *бхакти*. Я медитировала, чтобы достичь просветления, и ничего не слышала о святых, утративших себя в любви к Богу. Пападжи показал мне все места, связанные с Кришной, и рассказал много легенд о божествах и святых. Я полюбила их, как рыба любит воду. Через несколько дней мы оба вели себя, как экстатические *бхакты*. Я пела и танцевала на улицах, а у Пападжи были бесчисленные видения его возлюбленного Кришны.

Когда мы приехали, Пападжи сказал мне: «Я сделал рискованный шаг, привезя тебя сюда. Это место не для медитации, это место преданных. Я не знаю, подходит ли оно тебе, и не знаю, что с нами здесь произойдет».

Мы оба провели здесь чудесные десять дней, и я не думаю, что он когда-либо сожалел о своем решении взять меня с собой.

Я разговаривал с Мирой о восторженном состоянии Пападжи, чтобы лучше понять, что оно собой представляет:

Дэвид: Вел ли он себя как *бхакти*, когда был с тобой во Вриндаване?

Мира: Да, у него было много видений. Он был в экстазе большую часть времени. У него было совершенно другое лицо, — за все те месяцы, что я видела его в Ришикеше, я ни разу не видела у него такого лица. Я была поражена.

Дэвид: Как он выглядел, когда у него были такие видения? Что ты можешь сказать?

Мира: Внешние реакции исчезали. Он переставал замечать, что происходит вокруг. Затем, через некоторое время его тело начинало немного дрожать. Иногда у него текли слезы.

Дэвид: Глаза у него были открыты или закрыты?

Мира: Обычно его глаза были открыты, но когда экстаз становился слишком сильным, он их закрывал. Иногда он плакал, а иногда неудержимо смеялся. У него очень своеобразный смех, когда он находится в этом состоянии. Это совсем не похоже на его обычный смех.

Если его глаза были открыты, в них была необыкновенная красота. Он сам в этот момент видел Бога, и в его глазах было отражение божественности.

Дэвид: Описывал ли он то, что видит, в тот момент, пока у него было видение, или он мог говорить только потом?

Мира: Пападжи любил делиться своими видениями, рассказывая о них после. Но он никогда не говорил о них тогда, когда они происходили. После видения обычно стояла долгая тишина. Он был переполнен переживаниями и не мог говорить. Примерно через час или позднее он обычно начинал описывать свои переживания, тем самым уменьшая их остроту.

Дэвид: Какого рода у него были видения? Ты можешь вспомнить несколько примеров?

Мира: Это зависело от того, где он был или о чем он говорил. Так как мы были во Вриндаване, месте божественной любви, то видения обычно принимали форму Кришны в объятиях божественной любви со своими *гопи* (возлюбленными). Этот образ возникал у него вновь и вновь. Когда он рассказал мне истории преданности Тулсидаса и Кабира, то к нему стали приходить видения этих святых. А когда мы приходили в те места, которые были связаны с жизнью Кришны, у него были видения событий, происшедших тысячи лет назад. Он был удивительно открыт всем тем потокам *бхакти*, витающим в воздухе. Каким-то образом он настраивался на них, и они физически представляли перед ним. Весь Вриндаван насыщен *бхакти* паломников. Учитель просто настраивался на эти святые мысли, и они представляли перед ним в видениях. Эти визуальные переживания могли происходить в любой момент. Иногда они происходили, когда он сидел в комнате, иногда, когда мы гуляли, иногда даже во время разговора.

Дэвид: Смущался ли он, если его в такие моменты видели другие люди? Иногда мне казалось, что он хотел бы скрыть свою *бхакти*. Ему не нравилось выставлять это напоказ.

Мира: Да, если вокруг было много людей или те, кого он не знал, он мог пытаться скрыть это. Но если он был с небольшой группой людей, которых хорошо знал, то не возражал.

Дэвид: Как ты думаешь, он специально вызывал эти видения или они просто приходили сами?

Мира: Нет, он их не вызывал. Он всегда казался удивленным, когда они случались. Похоже, что видения приходили сами по себе, танцевали перед ним, а потом исчезали.

Пападжи согласен с Мирой, рассказывая, что вся атмосфера во Вриндаване насыщена бхакти, тысячами приходящими сюда бхактами Кришны. Одна удивительная история, которую Пападжи часто рассказывает, хорошо иллюстрирует его точку зрения:

Однажды я ехал из Харидвара во Вриндаван на ночном автобусе. Он едет примерно двенадцать часов и приезжает в шесть утра. Один из пассажиров вышел из автобуса и пошел по дороге. Через несколько шагов он встретил женщину, яростно метущую улицу. Вокруг нее было облако пыли. Мужчина обратился к ней и попросил перестать мести, пока он не пройдет, чтобы пыль не запачкала ему одежду.

Она сделала ему одолжение, перестав мести на несколько секунд, пока он проходил. Я шел следом.

Когда я поравнялся с женщиной, она мне сказала: «Этот человек, наверное, здесь новенький или приехал по какому-то другому делу. Люди, которые действительно знают святость этой земли, не просят, чтобы я перестала мести. Напротив, они ложатся в пыль и просят, чтобы я насыпала им на голову немного земли. И они платят мне за это пять или десять рупий. Этот человек не знает, как тут все свято».

Сейчас я возвращаюсь к паломничеству Пападжи и Миры во Вриндаван. Пападжи несколько дней наслаждался роскошью дома для VIP гостей, а потом решил переехать в комнату попроще. Он захотел узнать, есть ли комнаты в ближайшем ашраме Пагал Бабы. Пагал на языке хинди означает «сумасшедший».

Я показал Мире все важные места во Вриндаване. Она сказала, что чувствует, что жила здесь раньше, потому что даже маленькая дорожка ей была знакома. Она была в таком экстазе, что принялась танцевать прямо на улице, как Мирабай. Многие преданные, пришедшие сюда, чтобы совершить паломничество, присоединились и следовали за ней, пока она, танцуя, двигалась по улицам.

Я решил съехать из дома для VIP гостей и занять меньшую комнату. Я пошел к Пагал Бабе – сумасшедшему свами – с просьбой о приюте (я знал, что у него в ашраме было несколько комнат). Баба нас тепло принял и тут же предложил мне сигарету Commander's Navy Cut – в те дни это была большая роскошь. Баба был заядлым курильщиком, а эти сигареты были его любимыми. Он, бывало, спал целые дни напролет, так что нам очень повезло, что мы застали его бодрствующим. Как я уже сказал, он оказал нам радушный прием и попросил своего секретаря предоставить нам комнату.

Однажды днем, пока Пападжи спал, я взял интервью у Миры, поскольку хотел услышать ее рассказ о тех месяцах, которые она провела с ним в Ришикеше и Вриндаване. Все истории, которые я до сих пор пересказывал, начались с этого интервью. Пападжи встал в четыре часа пополудни и спустился попить чаю. Мы не говорили ему о нашей беседе, но он, казалось, и сам знал.

Он сказал Мире: «Ты не рассказала ему историю о ребенке из ашрама Пагал Бабы. Расскажи ему о ребенке с большой головой».

Мира совершенно забыла о том случае, но с помощью Пападжи она вспомнила следующие детали:

Мы переехали в ашрам Пагал Бабы, известного святого Вриндавана.

Несмотря на то что Пагал Баба был заядлым курильщиком и вел себя довольно эксцентрично, он все-таки был очень добрым, щедрым человеком. Казалось, что он сразу же всем сердцем полюбил Пападжи. Он никогда раньше не видел ни одного из нас, но как только мы вошли, Пагал Баба начал тут же давать указания своим помощникам, чтобы они устроили нас и заботились о нас должным образом. Комнаты были поменьше, чем в доме для VIP гостей, а гостеприимство осталось на таком же высоком уровне.

Однажды в ашрам пришла семья с очень больным ребенком. Мы видели, что он был серьезно болен, так как голова у него была в два раза больше, чем обычно – возможно, из-за опухоли, а может, из-за водянки мозга. Я не знаю, в чем там было дело. Врачи сказали родителям, что состояние ребенка безнадежное, поэтому они возили его ко всем святым в надежде на чудесное исцеление. Я помню, что один из них сказал, что ребенок проживет лишь несколько недель. Так как Пагал Бабы в этот момент в ашраме не было, то больного принесли нам. Мать, положив ребенка на колени учителю, исчезла вместе со своим мужем. Мы подумали, что, возможно, они ушли, чтобы принести поесть малышу, а может, хотят найти ванную комнату.

Через несколько минут учитель заподозрил что-то неладное. «Быстрее! – закричал он. – Пойди и посмотри, где они! Пойди и посмотри, что происходит!»

Выбежав из комнаты, я увидела, что мать ребенка садится в машину. Было очень похоже на то, что они собираются уехать, оставив дитя с нами. Я попросила ее вернуться и забрать ребенка. Она извинилась, сказав, что так волновалась, что совершенно забыла о нем. Лично я думаю, они решили, что самое лучшее для ребенка будет остаться со святым человеком. Пападжи отдал малыша, и семья уехала.

Месяц спустя мать ребенка вернулась со сладостями, гирляндами из цветов и – со здоровым ребенком. К тому времени нас там уже не было, и эту историю мы услышали позднее. Ребенок не оправдал мрачных прогнозов врачей и внезапно поправился.

Я спросила учителя, не он ли вылечил ребенка. И он ответил: «Нет. Они просто очень верили в то, что если принести малыша к святому, что-то да произойдет. Ну вот, что-то и произошло. Если у вас достаточно сильная вера, то любое чудо возможно».

Я спросил Миру, присоединялся ли Пападжи к ней, когда она танцевала на улицах Вриндавана. А задал я этот вопрос потому, что слышал от других людей рассказы о том, как Пападжи в экстазе танцевал на улицах. Свами из Ришикеша по имени Балайоги с любовью вспоминает, как в начале семидесятых видел, как Пападжи танцует на дороге и время от времени откусывает от чапати с карелой. Должно быть, это выглядело очень необычно, поскольку Пападжи было тогда около шестидесяти, и весил он килограммов восемьдесят. Карела на хинди означает «горькая тыква», небольшой и очень горький представитель семейства тыквенных.

Мира сказала, что никогда не видела, как танцует учитель, поэтому такие случаи происходили, по всей видимости, не часто. Однако хоть Пападжи и редко об этом рассказывал, однажды он танцевал во Вриндаване с Кришной и Мирабай, известной бхакти Кришны, жившей несколько сотен лет назад. Па своих сатсангах Пападжи часто рассказывал истории из жизни Мирабай, подчеркивая, что она была принцессой, которая оставила свою семью и окружение, чтобы свободно выражать свою любовь к Кришне. Я спросил Пападжи о том танце, и вот какой ответ получил:

С раннего детства я был сильно привязан к Кришне. Тогда я считал, что только женщины могли его видеть, потому что во всех историях, что я читал, он являл себя лишь *гопи* Вриндавана. У меня была специальная женская одежда, которую надевал всякий раз, когда хотел увидеть Кришну. Я также купил ювелирные украшения, которые подходили к одежде. Обычно я подкрашивал лицо, надевал украшения и женскую одежду, и пел Кришне, играя на *эктере* – однострунном инструменте, который держал на колене. Я видел картинку Мирабай, сидящей в этой же позе. Кришна появлялся перед ней, когда она пела ему, поэтому я подумал: «Может быть, стоит попробовать. Вдруг это сработает».

Затем я прочитал полную историю жизни Мирабай. Когда она танцевала для Кришны, он появлялся перед ней. Я подумал: «Я могу еще и это попробовать, если хочу увидеть Кришну».

Однажды, будучи во Вриндаване, я закрыл дверь своей комнаты и танцевал целую ночь. Тогда передо мной возникли Кришна и Мирабай. Мы втроем танцевали несколько часов. Экстаз от того святого танца был всепоглощающим. Даже по прошествии недель, куда бы я ни посмотрел, я видел только танцующих Кришну и Мирабай.

Для Пападжи танец становится по-настоящему красивым лишь тогда, когда представляет собой проявление не-ума. Он сказал: «Когда я смотрю на сатсангах на поющих и танцующих передо мной людей, я не просто слушаю слова или смотрю на их движения, я смотрю, откуда исходят песни и танцы. Если они идут от ума, то мне кажется, что слова и

движения ужасные, даже несмотря на то что человек, исполняющий их, может быть умелым профессионалом. А если пение и танец идут из Сердца, из места не-мысли, тогда представление для меня всегда прекрасно, пусть даже певец фальшивит, а его движения неловкие».

Когда он говорит об этом, он часто иллюстрирует свою точку зрения двумя рассказами о танцорах, которых он видел много-много лет назад.

Однажды я видел человека, танцующего на берегу реки Кавери в Южной Индии. Казалось, что он танцевал сам для себя.

Я подумал: «Для кого он танцует?»

Обычно всегда, если устраивается представление подобно этому, собирается публика. Но, оглядевшись, я никого не увидел. Это было очень уединенное место – на берегах реки рос лес, в котором никто из людей не жил. Человек танцевал с закрытыми глазами, и ему было все равно, видит его кто-нибудь или нет. Прекрасный, самозабвенный танец человека, спонтанно выражающего свою внутреннюю радость. Я никогда раньше не видел, чтобы кто-нибудь так танцевал. Я был так тронут его танцем, я хотел подойти к нему и заговорить с ним, но он был полностью поглощен своим внутренним миром. Один или два раза он открыл глаза, но не видел меня, хотя я был в его поле зрения. Его глаза были открыты, но он ничего не видел. Его внимание не было обращено вовне. Я почувствовал внутреннюю красоту, которая выражалась в его движениях, и оставил его танцевать в одиночестве и наслаждаться танцем.

Я видел много танцевальных представлений и на Западе, и в Индии, но никогда не видел профессионального танцора, который бы обладал такой красотой, как этот человек. В его движениях был вкус, аромат, которого невозможно достичь обычной практикой.

Я видел еще одного человека, который так же танцевал. Это было очень давно, в 1945 г., когда я еще жил в Мадрасе. Я был в шиваитском храме, когда увидел, как танцевал этот человек. Он тоже не осознавал, что танцует. Он танцевал весь день и всю ночь. Люди клали еду ему в рот, но он даже не осознавал, что его кормят. Он прикоснулся к внутренней красоте, и эта красота дала ему силы для прекрасного танца, который продолжался много часов. И это не было похоже на то, как некоторые люди прыгают в экстазе. Каждый его шаг, каждое движение было правильным, так что он, скорее всего, учился танцам. Но через свою преданность Шиве он научился преодолевать ограничения тела и ума. Благодаря интенсивной *бхакти* Шиве он научился танцевать так, как танцует Шива – безумно, не осознавая своего тела. Если вы любите свое собственное Я, это самое лучшее искусство, лучший способ выразить это.

Проведя десять дней во Вриндаване, Пападжи решил вернуться в Лакнау, чтобы забрать из банка некоторую сумму денег. Он изначально собирался поехать в Раманаширам, но, когда прибыл в Лакнау, изменил свое намерение. Мира продолжает свой рассказ.

Когда мы прибыли в Лакнау, меня сразу же представили родителям учителя. Его мать показалась мне очень сильной женщиной. Похоже, что она была гуру для нескольких женщин, которые приходили слушать ее *бхаджаны*. Я не могла разговаривать с ней, потому что она знала только пунджаби, но в ее доме была приятная атмосфера. Казалось, весь дом наполнен *бхакти*. Отец учителя прекрасно говорил по-английски. Он держался со спокойным достоинством, но редко разговаривал с кем-либо.

Я никогда раньше не видела учителя с учениками, за исключением того времени, которое я провел с ним и с Балдевом Раджем. В Лакнау я с удивлением обнаружила, что он был гуру для многих людей. Когда стало известно, что он в городе, к нему непрерывным потоком стали стекаться люди, где бы он ни остановился. Тогда не было отведено особого времени для сатсанга. Он разговаривал с людьми в любое время, когда они находили его.

В Ришикеше он разговаривал со мной в чисто адвайтическом духе. В Лакнау он перешел к более традиционному подходу *бхакти*. Он рассказывал о жизни святых и объяснял значения стихов из таких текстов, как Рамаяна или Гита. Учитель словно бы приводил свое учение в соответствие с различными склонностями людей, приходивших к нему. Не было определенного фиксированного послания, которое он давал бы каждому.

В то время он был очень самодостаточным. Он часто сам готовил для себя еду и любил покупать овощи для семейных трапез. Я наблюдала, как он энергично торгуется, и заметила, что он проверяет каждый овощ, прежде чем положить его в сумку. Если он готовил что-либо на кухне, он часто приглашал меня и давал мне кулинарные уроки.

В другое время, когда в доме не было посетителей, он просто спокойно сидел или читал вслух из *Бхагаватам*. Он очень любил эту книгу. Однажды, когда он был в Харидваре, он решил прочесть вслух всю книгу Ганге. Он сел на безлюдное место и читал ей каждый день какую-либо часть книги, пока не прочитал ее всю.

Есть несколько версий Бхагаватам, но Пападжи больше всего любил одну из них, в переводе Эканатха, известного святого. Пападжи однажды дал комментарий к этой книге, который был записан на кассету ученым из Австрии Беттиной Баумер. Он был настолько хорошим, что Беттина сказала, что сделает транскрипт его речи и опубликует ее. Она отвезла кассеты обратно в Варанаси, где читала лекции, но они были украдены. Ее комната все время была закрыта на ключ, и больше ничего ценного не пропало.

Когда эту новость рассказали Пападжи, один из преданных заметил: «Вы на самом деле не хотели, чтобы это было опубликовано, так ведь?»

Он покачал головой и ответил: «Пет, не хотел бы».

Пападжи читал Бхагаватам Ганге, сидя на острове недалеко от Сапт Саровара, к северу от Харидвара. Он каждый день шел вброд до острова и проводил на нем несколько часов. Однажды он встретил там нескольких обнаженных молодых людей, которые говорили друг с другом на урду.

Я поприветствовал их на урду и поговорил с ними несколько минут. Один из них увидел у меня в руках копию *Бхагаватам* и спросил, не Коран ли это. «Да, да», – ответил я. Они были мусульманами и думали, что я тоже мусульманин, поскольку говорил с ними на урду. Я не хотел разочаровывать их признанием, что это индийское священное писание.

Я спросил: «Что вы здесь делаете? И почему вы сидите здесь без одежды?»

«Мы рикши, – ответил один из них. – Мы живем на другом конце Харидвара. Каждое утро мы садимся в первый автобус и проводим целый день здесь. Просто сидим тут голыми. Индийские паломники, которые идут в ашрамы в Сапт Саровар, знают о том, что на этом острове сидят обнаженные йоги, и добираются сюда вброд, чтобы посмотреть на нас. Как только мы видим, что они приближаются, мы садимся в позу лотоса и притворяемся, что мы в *самадхи*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.